

С каких пор, я так точно сказать не могу, да и не столь это важно, но если уж говорить об уверенности... То наверное с этого дня.

Когда уже сезон дождей закончился, внезапно полил сильный дождь.

Это случилось около десяти лет назад...

С тех пор, как Аяко-сан взяла к себе Миу и начала жить по соседству, прошло около трёх месяцев.

Тогда я всё ещё был десятилетним.

Ходил в начальную школу и был невысоким. Если сравнивать с другими ребятами, то я был худым и лицо у меня было как у девочки. По этому поводу ребята в классе подшучивали надо мной, и у меня развился комплекс.

Тогда в отношении себя я ещё использовал более детское местоимение[□]Говорил не «оре», а «боку»..

Миу я звал Миу-тян.

А Аяко-сан мама Аяко...

После занятий я как обычно возвращался домой.

Но по пути внезапно пошёл дождь. Зонтика у меня не было, и я побежал домой...

— А? Не открывается...

Щёлк, щёлк.

Весь промокший я пытался открыть дверь, но не получалось.

Она была заперта на ключ.

— ... А. Точно. Мамы сегодня нет.

Вчера она говорила, что встречается с бывшими одноклассниками в гостинице неподалёку.

Потому прошлым вечером она дала мне ключ... А я забыл его на своём столе.

Думая, что ключ у меня, мама заперла дом.

— Ч-что делать?.. У... Х-холодно.

К коже неприятно липла мокрая одежда. Я промок до белья. И уже начал замерзать.

Думая, может какая-то из дверей открыта, я обошёл дом, но ничего. Даже раздвижная дверь закрыта. Ни я, ни воры в дом не попадут.

Стоя перед дверью, я не знал, что делать.

Родители придут только через несколько часов.

Дождь продолжал идти, а я без зонтика никуда уйти не мог.

Ничего сделать я не мог, и просто дрожал от холода у входа, как вдруг...

— ... Ах. Таккун? — меня позвали. Я поднял голову, и увидел как женщина, собравшаяся войти в соседний дом, подбежала ко мне.

Мама Аяко.

Младшая сестра матери Миу-тян, теперь она стала мамой для девочки.

У неё был зонтик, купленный в мини-маркете. Видать купила после того, как пошёл дождь, одежда и волосы у неё были мокрыми.

— Что случилось, Таккун? Ты весь мокрый...

Мама Аяко достала из сумки платок и вытерла моё лицо и волосы. Когда её лицо было близко, моё сердце стало биться быстрее.

Мне... Нравится мама Аяко.

Как именно нравится, я и сам не понимал, просто нравится.

Красивая и стильная, совсем не такая как моя мама. Она всегда добро улыбается, я очень

люблю маму Аяко.

— Не можешь попасть домой? Где твоя мама?

— ... Сегодня её допоздна не будет. Она дала ключ, а я забыл его дома.

— Вот как... Ну ладно. Пошли к тётё.

— А?

— Будешь так стоять, простудишься. Подождёшь у меня, пока мама не вернётся.

Она взяла меня за руку и под зонтом повела к себе домой.

— Ну же, не стесняйся, проходи.

— П-простите за вторжение...

Хоть она и предложила, я слегка нервничал.

Всё же впервые вхожу в дом по соседству.

Когда мы вошли и закрыли дверь, шум дождя точно отдалился. Мама Аяко отвела меня в раздевалку.

— Сейчас нагрёю воду, подожди немного.

— А... Н-нет. Не надо.

— Надо. Ты весь промок, так ещё простудишься.

— Но...

— Ну же. Кому я сказала не стесняться. Давай раздеваться.

— А... Хорошо. Всё в порядке, я сам...

Мама Аяко собралась мне помочь, но я тут же замотал руками. Как-то стыдно, когда тебе в десять лет помогают раздеться.

— Вот как. Давай свой ранец. Я его вытру.

— А-ага...

Я отдал ранец, и мама Аяко вытерла его полотенцем.

Я начал раздеваться. Но мокрая одежда липла к телу, потому было неудобно, к тому же я нервничал из-за того что мама Аяко поблизости, так что руки еле двигались.

— У... Ух. А...

— Хи-хи. Ну ты чего, Таккун. Давай, банзай.

— А, ва...

В итоге мама Аяко стала мне помогать. И я снял верхнюю одежду.

Сделала она это так умело... Видать привыкла, помогая Миу, отработанными движениями она спустила с меня штаны.

И даже трусы.

— Ва, ва-а-а?!

Я сразу же прикрыл руками пенис. У-увидела?! Мама Аяко увидела мой пенис?! От удивления и стыда я не соображал, но она совсем не переживала.

Спокойно отсортировала мои штаны и трусы.

— Ах, даже трусики промокли. Тогда постираю их...

— В-всё не так.

— М?

— Я хочу носить взрослые трусы, а не эти детские! Я много раз говорил об этом маме, а она не покупает...

— А. Вот как.

Я учился в четвёртом классе начальной школы и начал рассказывать про более взрослые трусы, но похоже мама Аяко не поняла моего волнения.

Она улыбнулась, но как-то безразлично.

А... Это важно.

Детские или взрослые трусы — очень важно.

Боксёры — трусы крутого мужика, вы не знали?

Я был недоволен этим, а мама Аяко сказала, что «я его высушу» и вместе с ранцем вышла из раздевалки.

Я остался один совершенно голый в раздевалке.

— ... Мама Аяко меня за детсадовца принимает? — вздыхал я в ванной. Вода ещё не нагрелась, потому я мылся в душе.

И думал я... Только о маме Аяко.

Пригласила к себе, ещё и пустила помыться, хорошая она... Хотя обидно, что как мужчину не воспринимает.

Хм.

Хотя мне же всего десять лет.

Правда сиськами в этом возрасте уже интересуют.

А когда обожаемая сестрёнка относится как к ребёнку... Скорее даже как к детсадовцу, чувствуешь себя жалким и пристыженным.

Наверное это потому что я маленький и худой...

Пока я думал об этом... Прозвучал писк и механический голос сообщил: «Вода нагрета».

И тут...

— Похоже ванная готова.

Я услышал, как дверь открылась.

Я обернулся... И от удивления чуть не умер.

Думал, что душа из тела выйдет.

Голая.

Полностью голая.

Вообще без всего мама Аяко вошла в ванную.

— Ах, Таккун. Ты голову моешь. Какой молодец.

Я был в растерянности, а мама Аяко привычно улыбнулась и подошла. И пока шла... Огромные сиськи раскачивались.

Ничего себе.

Они под одеждой большими казались... Но на деле ещё больше.

Правда я впервые увидел голую женщину помимо матери, и теперь был готов потерять сознание.

— Т... Ты что делаешь? — выдавил я слова.

— Хм? Да вот решила с тобой помыться.

— П-почему?

— Потому что я тоже промокла.

— Н-нет, н-нельзя...

— Почему нельзя? Ты не хочешь мыться с тётей?

— Н-не то чтобы не хочу...

— И-хи-хи. Ну тогда никаких проблем.

Перед её улыбкой я попросту лишился рада речи.

Эх, ну вот... Всё же мама Аяко считает меня ребёнком. С Миу-тян мылась, вот и со мной так же спокойно решила мыться, и только мне тут стыдно.

Вообще не думает о том, что десятилетний мальчик уже может быть мужчиной.

Совсем не переживает.

Ни полотенцем, ни руками не прикрывается. Из-за чего грудь и промежность видно. Подтянутая грудь и узкая талия, а ещё... Между ног...

— М?! Я-я пойду.

Смущённый и пристыженный я подскочил и попытался выбежать из ванной.

Однако...

— ... Ах.

Жамк.

Оказавшаяся на пути мама Аяко меня остановила.

Из-за того, что не смотрел, куда несусь, я врезался в неё.

И всё моё тело окутала мягкость...

— Ва, ва, ва...

— Ну-ка, Таккун. Бегать в ванной опасно.

— У, у...

— Я понимаю, что дети вроде тебя не любят мыться, но если не согреешься, то простынешь. И голову ты не домыл. Садись. Я её помою.

— ... Д-да.

Окутанный мягкостью, я лишился сил сопротивляться и просто слушался маму Аяко. Она помыла голову и стала мыть меня всего.

Я посматривал в зеркало, в котором отражалось, как она голая касается меня.

У... Не могу больше. Если расслаблюсь, из носа кровь пойдёт... Ладно. В такие моменты надо вспомнить, как считается число Пи. Это, три целый четырнадцать сотых, а дальше как посчитать? Сенсей на уроке рассказывала. Да, Пи это отношение длины окружности... Окружности сисек?! Нет, не то, вообще не то...

Пока я мучился, мы закончили мыться.

И по приказу мамы Аяко переместились в ванную.

— Ах, хорошо.

— ...

— Ну как, Таккун? Не горячо?

— Н-нормально.

— Боже... Ну чего ты в углу зажался? Давай сюда, вытяни ноги.

— Н-не надо, мне и здесь неплохо.

— Какой же ты скромный, Таккун, — улыбнулась она. Никакой я не скромный.

— ... И-хи-хи. Йей.

Только я подумал, что это за хитрый смех, и тут... Хвать.

Пока я сидел в углу, меня со спины обняла мама Аяко.

— Попался.

— А, а...

— Вот, куда приятнее ведь вытянуть ноги? Не скромничай.

Я и не скромничаю!

Меня схватили за плечи и потянули, и я оказался обнят со спины. Вытянуть ноги и правда приятно... Но тут и там я касался мамы Аяко, и это было приятно уже в другом смысле.

Я спиной к её сиськам прижимаюсь!

— И-хи-хи. Таккун, ты такой маленький и милый. Идеально сидишь у меня в руках, — весело говорила она... И эти слова заставили меня опечалиться.

— ... Я не очень рад, когда меня милым называют.

— А?

— В школе надо мной часто подшучивают. Прямо как девчонка, примерь юбку... Всё из-за того, что я невысокий и худой.

— Таккун... Прости, я, не подумав, ляпнула, — виновато извинилась мама Аяко. — Но думаю, что тебе не о чем переживать. Все растут в разном темпе, к тому же мальчики вытягиваются позже девочек. Не волнуйся, скоро ты станешь высоким.

— П-правда?

— Да, правда. Кушай как следует и двигайся, и обязательно вырастешь большим. Таккун, ты каким-нибудь спортом занимаешься?

— Угу... Футболом и софтболом, но получается не очень, потому я ушёл.

С бейсболом у меня дела не задались. Обращаюсь с мечом я не важно, и под командный дух я не попадаю. Думаю, что доставлю всем проблем, если совершу ошибку, потому нервничаю и ошибаюсь.

— Вот как. Тогда... Что насчёт плавания?

— Плавания?

— Да. Я тут недавно услышала... Дети, которые занимаются плаванием, вырастают умными. Говорят, что многие люди, которые сдали экзамены в лучшие ВУЗы, с детства занимались плаванием. Так что я и Миу думаю отправить заниматься.

— Плавание...

— К тому же мальчики, занимающиеся плаванием... Такие классные. Они все такие накаченные.

— К-классные...

Всего лишь слово, но его сказала мама Аяко, и моё сердце начало биться быстрее.

— Может и мне попробовать.

— Правда? Если ты будешь заниматься, я туда же и Миу отправлю. А, но я хочу ещё её на английский и танцы записать. Что же делать?

— Мама Аяко, ты много о Миу-тян думаешь.

— Ну да. Я же её мама.

Мама. Да, мама.

Мама Аяко стала мамой Миу-тян.

Не родная... Но в день похорон она стала её мамой.

— ... Мама Аяко, ты классная, — моё сердце забилося быстрее. — Я тобой восхищаюсь.

— Восхищаешься? Мной?

— Да! Когда мама и папа попали в аварию... Ты ведь спасла оставшуюся одну Миу-тян? Тогда на похоронах в отличие от остальных только ты думала о Миу-тян.

— ...

— Я тогда подумал, что ты такая классная и замечательная. Ты прямо как героиня была.

— ... Если бы я была героиней.

И.

Я услышал голос, преодолевающий боль. Я обернулся.

— Если бы я была героиней... Сильной, уверенной, классной, делала бы всё идеально...

— Мама Аяко...

Когда повернулся, у меня перехватило дыхание.

Слёзы.

Из глаз мамы Аяко текли слёзы. Они катились по её щекам и падали в ванную.

— Ч-что такое?..

— Да просто сегодня... Столько всего случилось, — вытирая слёзы, по словам говорила она. На лице была улыбка, но улыбалась мама Аяко печально и через силу.

— Я на работе облажалась.

— Облажалась...

— Доверенной мне работой... Теперь занимается другой. Я всё с самого начала планировала, а теперь этим занимается другой.

Она говорила так, чтобы даже я мог понять.

— Я новенькая в компании, но наш директор позволяет новичкам брать интересные проекты. И... Многие одобрили мой проект, всё должно было заработать, но...

Голос затихал, но эмоции в нём усиливались.

— Я не могу одновременно заботиться о Миу и работать.

— ...

— Из-за того, что надо забирать из садика Миу, я не могу задерживаться, а когда она простывает, мне приходится уходить с работы... И так мне сложно заниматься новым проектом. Многие говорят, что сейчас стоит ценить время, проведённое с ребёнком, а я даже не понимаю, со зла они или по доброте... Директор до последнего держала проект за мной... Но в итоге мне пришлось самой попросить передать его кому-нибудь.

Отдать созданный проект кому-то постороннему. В десять лет я не понимал, как это больно и обидно.

Но видя её лицо, понял, как это было тяжело.

— Тут как бы дело не в работе... Я сама виновата. Просто... — тихий голос дрожал.

В больших глазах снова появились слёзы.

— Когда я все силы прилагаю на работе, мне звонят из садика и говорят: «У Миу-тян жар, заберите её пожалуйста...» И тут я думаю. Всего на миг... «Я не могу быть матерью. Может всё же стоило оставить её кому-то другому».

— Мама Аяко...

— Нельзя так. Это ужасно. Даже на миг задумываясь о таком, я точно не подхожу на роль матери. Сама всё решила, думала, что готова... Я ведь теперь мать Миу. У неё ведь кроме меня никого... Какая я жалкая...

— ...

Ничего не поделаешь. Она так занята на работе, что вполне логично, что может проскочить такая мысль. Любой может пожалеть о принятом решении.

Но... Мама Аяко даже на миг не признавала этого.

Пусть они были не родными, став матерью, добрая и благородная женщина не переносила собственную незрелость.

И теперь... Плакала.

Я был в шоке.

Я впервые видел, как плачет взрослый человек.

Не способная терпеть печаль мама Аяко для меня была как слабая девочка.

Сестрёнка на десять лет старше меня казалась мне упрямой девочкой, которая младше меня.

— ... А, а-ха-ха. Прости, жалуюсь тут тебе. Ты ведь ничего не понимаешь, — она вытерла слёзы

и улыбнулась. — Надо собраться. Я должна стараться как мать и член общества. Ведь мне ещё одной растить Миу.

— ... Не одной, — сказал я.

Сам не заметил, как произнёс это.

Из груди вырывались чувства.

— Мама Аяко, у тебя есть я.

— Таккун...

— Н-на меня мало в чём можно положиться, но если я что-то смогу, я сделаю! И не только я. Мама и папа тоже очень любят тебя и Миу-тян. Когда будет тяжело, мы поможем! — сказал я.

— Если будет тяжело или плохо, я защищу тебя, мама Аяко. Так что... Так что, мама Аяко... Больше не плачь, — прокричал я, а она положила руку мне на голову.

— Спасибо, Таккун.

Она улыбнулась мне. Погладила по голове, прикрыла влажные глаза и счастливо улыбнулась.

Улыбка была такой прекрасной, что я сразу же захотел её обнять, а сердце громко застучало.

Уверен... Всё началось тогда.

В тот момент я и влюбился.

Любимая сестрёнка, живущая по соседству... Классная сестрёнка, которая воспитывает ребёнка погибшей в аварии сестры и её мужа.

Для десятилетнего ребёнка она была героиней, богиней и святой... И меня шокировали слёзы на её лице.

А потом я устыдился собственных заблуждений.

Мама Аяко не безупречная героиня.

Она не святая и не богиня.

Она просто добрая, благородная и упорная. И как бы ни выглядела, обычная слабая женщина.

Потому... Я захотел её защитить.

Конечно что может десятилетний сопляк... Но я подумал именно так. Лишь это желание овладело мной.

Я хочу стать мужчиной, который защитит Аяко-сан.

И даже через десять лет это чувство не ослабло.

А где-то даже и окрепло.

— Ах. Доброе утро, Аяко-сан.

— Доброе утро, Томоми-сан.

Следующим утром возле мусорный контейнеров я встретила маму Таккуна, Атерадзаву Томоми-сан.

— Похоже вы устроили вечеринку в честь дня рождения моему сыну. Спасибо вас.

— Что вы. Ничего особенного мы не устраивали. И Такуми-кун нам всегда очень помогает.

— Как дела у Миу-тян в старшей школе? Уже привыкла?

— Даже не знаю. Ну, ходит с удовольствием, но когда я спрашиваю, она только нос вороти.

— Ах, всё сложный возраст.

Поздоровавшись, мы стали говорить о повседневных делах. Со стороны обычный разговор двух соседок. Последние события и сплетни, ничего существенного.

Но вот я подобрала время.

— А... Кстати, Томоми-сан, — сказала я. — По поводу Такуми-куна.

— М? А что с Такуми?

— Это, ну... Он ведь уже в том возрасте?

— В том возрасте?..

— Нет, ну... Как мужчина... Начинает интересоваться женщинами.

— ...

— Т-Томоми-сан, как его мать, у вас есть какие-то пожелания для его избранницы?

— ... Аяко-сан. Неужели... Такуми что-то сказал?

Я попыталась зайти со стороны, но похоже слишком уж странно.

Вначале Томоми-сан с непониманием смотрела на меня, но вот что-то поняла.

— Ч-что-то сказал?

— Ну... О своих чувствах к вам?

— ... М?! Э-это... Ну, это... Да.

Пытаться отвертеться смысла не было, и я кивнула.

— Во время вечеринки... Признался.

— ... Вот как.

— К-конечно же я ему отказала! Я не собираюсь с ним встречаться, не переживайте!

— ...

— Это, ну, не то, чтобы Такуми-кун меня не устраивает или не нравится мне, но если размышлять здраво, подобные отношения довольно сложны...

— ...

Я оправдывалась, а Томоми-сан никак не реагировала.

Она прикрыла глаза и посмотрела в небо. На лице можно было разглядеть смирение: «Вот и настал этот день».

И вот после нескольких секунд тишины.

— Аяко-сан, — заговорила Томоми-сан.

На лице была решительность.

— Не хотите попить чаю у нас?

Семья Атерадзава живёт в таком же двухэтажном доме как у нас.

Несколько десятилетий назад этот район был выкуплен под строительство жилья, и крупная строительная компания построила много домов.

То есть дома семьи моей сестры и Атерадзава были построены почти одновременно, и они начали тут жить.

Потому они и виделись.

Сестра много раз говорила «Повезло, что у нас такие хорошие соседи», и когда я стала жить здесь, то семья Атерадзава много сделала для меня.

— Уже десять лет прошло...

В гостиной Томоми-сан пила чай, смотрела куда-то вдаль и говорила. Я нервничала и к чаю пока не прикасалась.

— Не взяв ключ, Такуми не смог попасть домой и допоздна остался у вас.

— Д-да.

— Когда он вернулся домой, то сказал мне и мужу: «Когда я вырасту, то женюсь на маме Аяко».

— ...

Не представляю, как мне на это реагировать.

В тот день... Когда мы вместе принимали ванную, Таккун сказал это.

— Тогда мы восприняли это как шутку. Не шутку, простую детскую увлечённость. Похоже ему было весело с вами? Чем вы занимались?

— Э-это... Ничем особо...

Этого я сказать не могу.

Не могу сказать: «Мы вместе принимали ванную!»

— Мы посчитали это детской нелепицей и оставили... Но с того дня Такуми изменился.

— ...

— Он стал усерднее учиться, а ещё сам захотел заниматься плаванием, от которого нос воротил. В учёбе и спорте он стал очень старательным, и ел, не жалуясь, нравится — не нравится. Говорил: «Я стану крутым, достойным мамы Аяко».

— ...

— С такой мотивацией наш сын прилагал все силы, а мы не хотели мешать. Думали, что он в кого-нибудь влюбится в школе.

Однако Томоми-сан продолжала.

Озадаченно она сказала:

— Такуми и через десять лет говорит... Что любит вас.

— ...

— И в старшей школе, и в университете ничего не изменилось...

— ...

Что же такое?

В первую очередь мне на колени опуститься захотелось и поклониться.

— Я и муж начали переживать... Нет, я ничего про вас плохого сказать не хочу. Просто... У вас ведь такая разница в возрасте, ещё и Миу-тян.

— ... Ну да.

Оно и понятно.

Будь я на её месте, тоже бы переживала и возражала.

Если бы мой сын сказал, что хочет жениться на матери-одиночке, которая на десять лет старше.

— Мы много раз проводили семейные совещания, но чувства Такуми оставались неизменными. Мы столько раз объясняли, но он не слушал. Он смотрит только на вас...

Тут она замолчала и вздохнула.

— Вот как... Он наконец признался вам.

На её лице появилась печаль, которую сложно выразить словами. Чувство матери, которая двадцать лет растила своего ребёнка...

— Да, как мать... Я желаю, чтобы мой ребёнок был счастлив. Не хочу, чтобы он ступал на сложный путь. Хочу, чтобы у него была обычная семья... Этого я для него хочу.

— ... Я вас понимаю. Я тоже так думаю, как родитель. Потому не переживайте. Я и Такуми-кун...

— Но это лишь родительский эгоизм.

— ... Не будем встречать... А?

Я подняла голову и уставилась на её лицо.

Точно что-то решив, Томоми-сан мягко улыбалась.

— Что такое счастье решать не родителям. Скорее мы должны радоваться. Наш сын сам нашёл свой путь.

— ... Это.

— Такое за день или два не решается... Но наш сын старался все эти десять лет. И в учёбе, и спорте он делал всё, что мог, в школе и университете тоже преодолевает все трудности.

— ... Это.

— Я и мой муж всегда наблюдали за его стараниями.

— ... Ну это.

Ч-что же делать?

Томоми-сан ушла в собственный мир. Просто произносит свой монолог! Вообще не слушает!

— Потому мы переговорили... И решили. Что примем отношения Такуми и Аяко-сан.

— Что?!

Примут?!

Наши отношения?!

А как же моё мнение?!

— И на его двадцатый день рождения я сказала ему это. Пусть делает что хочет. Как мать я его не поддержу, но и препятствовать не буду. Просто буду уважать его решение.

Да что ж такое?!

Вот что было перед нашей вечеринкой?!

Пока я придавалась собственным мыслям, Томоми-сан точно очнулась и посмотрела на меня.

— Ах. Конечно важнее всего ваши собственные чувства. Если вас это не устраивает, то ничего страшного. За нас можете не переживать.

— ...

— Однако, — сказала она.

Женщина сдерживала слёзы, но в голосе пробивались чувства.

— Вдруг... Если Такуми вам не противен... В таком случае, — Томоми-сан низко поклонилась. — Позаботьтесь о моём сыне.

— ...

Я уже вообще ничего сказать не могу.

Что бы ни сказала, как бы ни возражала, это ничего не изменит.

Потому... Не сказав ни да, ни нет, я просто невнятно улыбалась, стараясь пережить происходящее.

— Я дома... Ува. Мама, ты опять словно труп.

Вечер...

Вернувшись из школы Миу поразила тому, как я распласталась точно мёртвая на диване. Конечно в этот раз не такой бардак, как до этого, но я та ещё мамаша.

— Опять о братике Таку думаешь?

— ... М. Ну да.

— Могла бы уже начать с ним встречаться.

— И как так вышло?.. — вздохнула я и встала с дивана. — Сегодня... Я разговаривала с Томоми-сан.

— Мамой братика Таку? Неужели... О его признании?!

— Ну, вроде того.

— Ничего себе, офигеть! И-и как прошло?! Она против?! Надавала тебе?! Выдала: «Ты не

имеешь права называться матерью!»

— ... Сказала: «Позаботьтесь о моём сыне», — хватаясь за голову, сказала я, и почему-то расстроила Миу.

— Что, так драки не было?

— А ты на драку рассчитывала?..

— Но ведь круто же. Его родители дали добро. Родители любого другого парня воспротивились бы, узнав, что избранница с прицепом, — бормотала Миу. Меня «избранницей с прицепом» назвала, она смысл понимает?

— Его родители дали официальное согласие. Отлично ведь, мама. Значит можно спокойно встречаться с братиком Таку, — торжественно сказала моя дочь.

Она меня изо всех сил поддерживает, родители парня дали добро.

Это что... Препятствий вообще не осталось!

Вот это все на меня давят!

Обложили со всех сторон, мол, встречайся, выбора-то нет...

— ... Ну нельзя же так, — сказала я.

Больше себя же убеждаю.

— Отношение и замужество — это всё не так просто.

— И это говорит женщина, которая ни разу замужем не была.

— ... П-помолчи, — дала я невнятный ответ на точное замечание и поднялась с дивана. — Ну всё. Не буду ни на кого полагаться. Как-нибудь сама со всем справлюсь, — я сжала кулак. — ... Возможно Таккун что-то не так понял. Это всё его мечты о женщинах постарше и обычная детская влюблённость.

Иначе этого просто не объяснить.

Всё же... Я не та женщина, которую можно на протяжении десяти лет любить вот так.

Мне уже за тридцать, я же старая тётка.

Даже если начнём встречаться... Я его просто разочарую.

И если разочарую, то лучше сделать это поскорее.

Если и ранить, то неглубоко.

— Если Таккун живёт в мечтах, надо его заставить проснуться. Я должна... Показать ему суровую реальность о женщинах, — сказала я. — «Великая стратегия как показать Таккуну всю правду о женщинах за тридцать и заставить его их возненавидеть»!

— ... Название отстой, — холодно обронила Миу.

А потом ещё добавила так, будто мёртвого пнула: «Эта твоя «великая стратегия», прямо в стиле какой-нибудь бабульки», я думала, у меня сердце разобьётся.

<http://tl.rulate.ru/book/71226/1907789>